

DOI: 10.31857/S241377150014561-0

Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения)

Mikhail Viktorovich Panov (On the 100th Anniversary of his Birth)

Михаил Викторович Панов — один из крупнейших современных филологов-русистов, автор многочисленных новаторских работ по русской фонетике, орфоэпии, орфографии, морфологии, стилистике, поэтике, по изучению русского языка под социальным углом зрения.

М.В. Панов родился 21 сентября 1920 г. в московской интеллигентской семье. Отец его был офицер-артиллерист, потом переводчик, мать получила образование на Высших художественных курсах. После окончания школы М.В. Панов учился в Московском городском педагогическом институте, закончил его и с первых дней Отечественной войны оказался на фронте. Он прошел всю войну, находясь на передовой, в составе расчета противотанкового орудия. Был неоднократно ранен, награжден несколькими орденами и медалью “За отвагу”.

После войны Михаил Викторович был учителем в школе, потом поступил в аспирантуру Московского городского педагогического института и после ее окончания преподавал

в этом институте, где в то время на кафедре русского языка работали такие уже в ту пору известные отечественные лингвисты, как Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров. В 1958 г. академик В.В. Виноградов пригласил М.В. Панова в Институт русского языка АН СССР, и здесь Панов проработал тринадцать лет, с 1963 г. заведя сектором современного русского языка.

В 60-е годы прошлого века М.В. Панов совместно с С.И. Ожеговым и коллективом научных сотрудников Института русского языка АН СССР начал масштабное исследование русского языка советской эпохи. В 1962 г. был опубликован проспект работы под названием “Русский язык и советское общество” [1], затем ряд коллективных сборников, посвященных этой проблематике и самим названием указывавших на то, что имеется в виду развитие русского языка в XX в., а в 1968 г. вышла из печати четырехтомная монография “Русский язык и советское общество”¹ [2] под редакцией М.В. Панова.

В 1971 г. тогдашняя администрация Института русского языка, считавшая М.В. Панова политически неблагонадежным, вынудила его уволиться. В течение ряда лет он — научный сотрудник Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР, по существу сосланный в это профессионально чуждое ему учреждение, — тем не менее, увлеченно занимается проблемами обучения русскому языку нерусских. В соавторстве

¹ Надо заметить, что, несмотря на явно выраженную “советскость” самого названия монографии, в этом фундаментальном исследовании нет и намёка на какие-либо конъюнктурные моменты, связанные с 50-летием советской власти. Официально, по заданию Президиума АН СССР, который курировал эту работу, она приурочивалась именно к этому юбилею; о “высоком” внимании к работе свидетельствует и тот факт, что хотя и с некоторым опозданием, но в небывалом для тогдашнего издательства “Наука” темпе в течение одного года было издано сразу четыре тома монографии.

с Р.Б. Сабатковым он в 1982–1983 гг. издал двухтомный учебник русского языка для национальных педагогических училищ, опубликовал множество статей, посвященных методике преподавания русского языка в национальной школе. В то же время он читает в МГУ курсы лекций о языке русской поэзии, о фонологии, о позиционном синтаксисе. С начала 1990-х годов и до последних дней жизни он – профессор кафедры русского языка Московского государственного открытого педагогического университета, студентам которого в 1995–96 гг. он прочитал большой курс лекций по лингвистике и поэтике (см.: [3]; [4]).

Основной областью научных интересов М.В. Панова была русская фонетика. Книгу под таким названием, опубликованную в 1967 г. [5], он блестяще защитил в качестве докторской диссертации годом позже. Он был последовательным приверженцем Московской фонологической школы. Строгость научного мышления, выработанная в фонетических и фонологических студиях, проявилась у М.В. Панова и в других областях лингвистики: им написано немало неординарных работ, посвященных морфологии, словообразованию, поэтике, стилистике, социолингвистике. Вот на последней в этом перечне стороне научной деятельности Михаила Викторовича – социолингвистике – я хотел бы остановиться чуть более подробно.

Вопрос о роли М.В. Панова в развитии отечественной и мировой социолингвистики заслуживает глубокого и детального рассмотрения. Здесь я хочу наметить лишь некоторые, ключевые, с моей точки зрения, моменты, характеризующие эту сторону многогранной научной деятельности Панова.

Имя М.В. Панова как исследователя русского языка под социальным углом зрения продолжает ряд имен таких знаменитых отечественных ученых, стоявших у истоков социальной лингвистики, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, М.М. Бахтин, Л.П. Якубинский, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур и другие. В его работах мы находим не только развитие идей предшественников (прежде всего, Бодуэна и Поливанова), но и несомненное новаторство в осмыслении языковых фактов в их связи с социальными процессами и отношениями. Это новаторство проявилось в двух основных направлениях – в истолковании изменений, которые претерпел русский язык в XX в., и

в разработке методики изучения современной речи, ее “социальной паспортизации”.

Что же нового внес Панов в диахроническую и синхроническую интерпретацию языковых явлений?

При ответе на этот вопрос надо прежде всего обратиться к разработанной Михаилом Викторовичем теории антиномий (т.е. постоянно действующих противоречий – движущих механизмов языковой эволюции), примененной им при описании развития русского языка послереволюционного периода, – в его статьях начала 60-х годов (см., например, [6]; [7]) и в уже упомянутой выше и ставшей широко известной не только в лингвистических кругах монографии “Русский язык и советское общество”. Пожалуй, впервые в отечественной социолингвистике с помощью этой теории были вскрыты механизмы языковой эволюции и показана социальная обусловленность действия таких антиномий, как антиномии кода и текста, системы и нормы, говорящего и слушающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной.

Коротко каждую из этих антиномий можно охарактеризовать следующим образом.

1) Под кодом понимается набор средств, которыми располагает язык; если набор этих средств ограничен, то для того, чтобы выразить какой-либо смысл, бывает недостаточно употребить только один знак – необходимы определенные комбинации знаков этого набора: чем меньше набор (код), тем длиннее текст (комбинации знаков набора), и, напротив, чем больше набор (код), тем короче текст.

2) Система языка понимается как совокупность возможностей, которые язык предоставляет говорящим на этом языке для выражения тех или иных смыслов; однако в реальной речевой деятельности, которая регулируется определенными нормами, реализуются далеко не все из этих возможностей: норма фильтрует то, что предоставляет ей система; антиномия заключается в том, что система “разрешает” гораздо больше из того, что норма “одобряет”.

3) В процессе речевой деятельности человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и

слушающего² не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в свёртывании форм высказывания, а слушающий, напротив, хочет, чтобы всё выражаемое говорящим было максимально понятно, и, следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего.

4) Информационная функция языка осуществляется с помощью регулярных, повторяющихся, стандартных средств, а экспрессивная, напротив, обеспечивается средствами необычными, нерегулярными, выбивающимися из стандарта; в речевой деятельности человека и в функционировании языка две эти тенденции постоянно сталкиваются, конкурируют.

Мысль о связи развития языка с развитием общества давно стала в лингвистике общим местом, своего рода аксиомой. В большинстве работ прошлого эта мысль так или иначе *иллюстрировалась* материалом, характеризовавшим развитие конкретных языков. Иначе говоря, “общее место”, аксиома подкреплялись некоторым набором фактов. Однако никакой социально ориентированной теории языковой эволюции при этом не возникало: описание конкретных изменений, даже “привязанное” к определенным социальным сдвигам, сохраняло фактографичность, атомарность.

Рассмотрение же тех изменений, которые пережил русский язык в XX в., с точки зрения антиномий позволило не только найти общие тенденции и закономерности в эволюции разных участков языковой системы — в фонетике, лексике, грамматике, — но и показать обусловленность действия антиномий определенными социальными факторами и зависимость этого действия от характера социальной среды говорящих.

Например, демократизация состава носителей литературного русского языка после революции 1917 г. вела к расшатыванию традиционной нормы, и тем самым антиномия системы и нормы разрешалась в пользу системы: в литературном употреблении появилась масса того, что система “разрешает”, а норма запрещает (ср., например, формы двувидовых глаголов, появляющиеся в результате так называемой имперфективации: *организовывать, атаковать, мобилизовывать* и под.;

² Под этими терминами в русистике принято иметь в виду и участников устного диалога, и пишущих или воспринимающих письменный текст. В другой терминологии это отправитель (адресант) и получатель (адресат) речи.

некоторые из этих форм сейчас вполне нормативны; см. об этом: [2, кн. 3, § 68].

Антиномия кода и текста разрешается в пользу кода (он увеличивается) в социально замкнутых коллективах говорящих и в пользу текста — в “текучих”, социально неоднородных коллективах. И это понятно: социально или профессионально замкнутый коллектив говорящих может “позволить” себе, например, разветвленный и детализированный словарь (как это имеет место в специальных терминологиях и в профессиональных и социальных жаргонах). А в социально неоднородных, текучих человеческих сообществах выработка подобного словаря невозможна: представителям таких сообществ легче объясниться друг с другом, применяя описательные номинации (т.е. удлиняя текст в ущерб коду), а не однословные термины, которые многим просто неизвестны.

Эта же антиномия (кода и текста) при одних условиях, характеризующих развитие общества на том или ином этапе, разрешается в пользу кода: он увеличивается (например, словарь может увеличиваться путем массовых заимствований из других языков, как это происходит в нашем языке сейчас), а при других условиях — сокращается, как это было, например, в конце 40-х годов XX в., когда не только не принимались новые заимствования, но и вытеснялись из употребления старые, давно адаптировавшиеся в русском языке (подробнее об этом см.: [8, с. 139–142])³.

При разработке теории антиномий М.В. Панов подверг анализу и сами социальные факторы, которые могут влиять на язык. Одни из них он назвал лингвистически значимыми, то есть такими, которые могут оказывать влияние на языковую эволюцию, другие — лингвистически незначимыми. Среди лингвистически значимых он выделял факторы *глобальные* и *частные*. Глобальные факторы воздействуют на все уровни языковой структуры, а частные в той или иной мере обуславливают изменения лишь на некоторых уровнях [2, кн. 1, с. 34–35].

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей литературного языка. Так, изменение состава

³ Здесь нет возможности рассматривать другие антиномии и их действие на разных этапах развития языка; желающих получить о них более детальную информацию отсылаю к первому тому указанной монографии [2].

носителей русского литературного языка после революции повлекло за собой изменения в произношении — в сторону его буквализации, приближения к письменному облику слова: *булоЧНая, смеялСЯ, тиХИй*, а не *булоШНая, смеялСА, тиХЫй*, как в старомосковской произносительной норме. В лексике литературного языка появилось много так называемых внутренних заимствований — из диалектов и просторечия (например, слова *учёба, неполадки, напарник, глухомань, нехватка* пришли в литературное употребление именно оттуда). В синтаксисе получили распространение конструкции диалектного, просторечного и профессионально ограниченного характера, и мы сейчас почти не ощущаем их нетрадиционности для литературного языка: *ходили по грибы, плохо с кадрами, испытание на выносливость, радиовещание на зарубежные страны* и под. В морфологии значительно увеличилась частотность форм, которые раньше оценивались нормой как просторечные или профессионально ограниченные: ср., например, частотность форм с ударными флексиями во множественном числе существительных мужского рода — типа *прожекторА, прожекторОв, ...; слесарЯ, слесарЕй...* и т.п.; о социальном распределении подобных форм можно прочесть в работе, начатой по инициативе и при идейной поддержке М.В. Панова, — см.: [9].

Пример частного социального фактора — изменение традиций усвоения литературного языка (раньше, в XIX — начале XX в., — устная, семейная традиция, в новых условиях — книжная, через книгу, через учебник). Этот фактор повлиял главным образом на произношение: наряду с традиционными орфоэпическими образцами получают распространение новые образцы, более близкие к орфографическому облику слова (примеры см. выше).

Согласно М.В. Панову, действие и глобальных, и частных социальных факторов на язык не может быть деструктивным, разрушающим языковую систему. Иначе говоря, социальное воздействие может ускорять или замедлять языковые изменения (тезис, сформулированный еще Е.Д. Поливановым), но не может их отменить или “упразднить”. Если бы общество могло воздействовать на язык деструктивно, то оно поступало бы против своих интересов, так как в этом случае язык не мог бы выполнять свою основную функцию — быть средством коммуникации.

Надо сказать, что, отдав много сил и времени изучению развития русского языка в XX в., Михаил Викторович по своим лингвистическим интересам и склонностям оставался синхронистом: он любил рассматривать языковые факты не в их эволюции, а в их отнoшениях друг с другом. И даже в работе “Русский язык и советское общество”, по существу посвящённой истории языка (хотя и микроистории), сказались его “синхроническая” натура: он предложил эволюцию русского языка анализировать по определенным синхронным срезам, что дает возможность сравнивать разные этапы языковой эволюции.

Основные же идеи Панова-синхрониста, касающиеся социальной обусловленности языка, нашли выражение в его концепции массового обследования русской речи. Одни из идей, образующих эту концепцию, касаются социально обусловленных подсистем современного русского языка, другие воплотились в предложенных и разработанных М.В. Пановым приёмах и методах обследования говорящих и их речевой практики. Так, он первым высказал гипотезу о существовании особого разговорного языка, о его самодостаточности — первоначально на материале наблюдений над разговорным синтаксисом (см.: [1, с. 77, 97]). Эта гипотеза, выраженная М.В. Пановым в заостренной, категорической форме, многим лингвистам казалась маловероятной, но затем она нашла полное и убедительное подтверждение в хорошо известном цикле работ по разговорной речи, выполненных под руководством Е.А. Земской.

Работы по разговорной речи опираются на массовый материал. Это важно по крайней мере в двух отношениях: во-первых, только массовый материал может дать надежные, объективные результаты; во-вторых, массовость наблюдений позволяет выявить социальные различия в реализации разговорного языка. Такие различия особенно заметны в произношении. При этом они “многоплановы”, то есть зависят от разных характеристик носителей литературного языка, разных социальных условий его существования.

Вот как писал об этом Михаил Викторович в одной из своих статей:

Нормы литературного произношения в современном русском языке в значительной степени вариативны. Желательны эти варианты или нет, они должны быть изучены.

Существуют территориальные разновидности литературного произношения: московская, ленинградская, южнорусская, средневожская и

т.д. Особо надо отметить разновидности литературного произношения, возникающие в условиях двуязычия: на Украине, в Грузии. Литве, Татарии и т.д., а также в некоторых странах за пределами Советского Союза.

В каждой такой локальной разновидности литературного языка существуют различия в произношении между поколениями и между социальными группами.

Существуют вместе с тем и внутерриториальные разновидности литературной речи: это сценическая и радиоречь. В действительности они внутерриториальны только в идеале; реально различаются нормы в разных театрах и внутри театров — у разных поколений.

Наконец, каждая из этих разновидностей должна быть изучена в ее стилистических вариантах.

Существенны лишь типические черты каждой из этих разновидностей произношения; следовательно, необходимо массовое фонетическое обследование [10, с. 173].

Примечательна перекличка идей и методов социофонетических исследований М.В. Панова с идеями и методами одного из основателей современной американской социолингвистики Уильяма Лабова, которые разрабатывались примерно в те же годы: первая социофонетическая статья У. Лабова [11] была опубликована в 1964 г.

И у Панова, и у Лабова — ясное понимание вариативности как естественного свойства языка, четкая ориентация на языковую реальность во всех ее социальных, возрастных, территориальных и прочих ипостасях, последовательно выраженное стремление количественно измерить наблюдаемые произносительные различия; наконец, для обоих ученых характерна изобретательность в методике социофонетического обследования носителей языка (правда, у Лабова уже в начале 1960-х годов были более совершенные технические средства изучения живой речи, включая видеотехнику, а у нас в то время еще и портативных магнитофонов не было).

Одна из характерных черт Панова-социолингвиста — его приверженность “произносительному факту”. Эта черта только внешне кажется противоречащей известной любви Михаила Викторовича к “геометризму” теоретических построений. В действительности тщательное изучение фактического состояния произносительной нормы на том или ином синхронном срезе языка укрепляет фонетическую теорию, способствует ее геометризму.

Само понятие нормы было для Панова неразрывно связано с ее носителями. Отсюда важная роль *фонетических портретов* — описаний произносительных навыков и привычек

тех или иных людей как представителей определенной социальной среды. Примеры таких портретов — в фундаментальном исследовании М.В. Панова “История русского литературного произношения XVIII–XX веков” [12].

Это удивительная работа. Из нее мы можем узнать не только о произносительных особенностях речи наших выдающихся современников — поэтов, ученых, деятелей культуры, но и о том, как *говорили* по-русски люди, жившие более чем два столетия тому назад, — например, Петр Первый или Сумароков, то есть каково было их *про и з н о ш е н и е*. Ведь никаких технических средств (например, магнитофонов), которые позволили бы сохранить особенности их устной речи, в ту пору, естественно, не было. Но Панов смог по крупичкам — дневниковым записям, письмам, клочкам случайных записок, чудом сохранившихся в архивах, по высказываниям деятелей прошлого и многому другому — восстановить речь наших предков. Книга пролежала неизданной (не по вине ее — опального в ту пору — автора!) двадцать лет и была напечатана, да и то усилиями учеников Михаила Викторовича, только в 1990 г.

Идея фонетического портрета и ее воплощение в ряде блестящих портретных описаний, данных в книге Панова, чрезвычайно важны и плодотворны для социолингвистики. Расширяя перечень составляющих портрет характерных признаков путем привлечения морфологических, синтаксических, лексических черт, особенностей стилистического использования единиц разных уровней языка, а также свойств коммуникативного поведения человека, можно создавать уже не только фонетические, но и более объемные *социолингвистические* портреты носителей языка.

Работы М.В. Панова как социолога языка недостаточно оценены в современной социолингвистике. Они признаны и развиваются прежде всего в науке о русском языке, в исследованиях по современной русской фонетике, по разговорной речи. Но несомненно, что они имеют и более широкое теоретическое значение, так как указывают перспективные и плодотворные пути изучения языка (не только русского) под социальным углом зрения.

М.В. Панов был выдающимся организатором науки: он умел создавать научные коллективы, зажигать их участников своими идеями, и результатом творческой работы таких коллективов являлись не только проникнутые концептуальным единством книги, монографии, сборники

ученых трудов, но и целые направления научных исследований. Конечно, это объяснялось тем, что и сам Михаил Викторович был человек увлеченный и увлекающийся. Но также и тем, что он умел сложное объяснять просто, воплощать в виде геометрически стройных теорий, не игнорируя, однако, в угоду стройности ни одного реального языкового факта.

Талант популяризатора науки — еще одна сторона замечательной личности М.В. Панова. В книгах, посвященных русской орфографии, — “И всё-таки она хорошая!” [13] и “Занимательная орфография” [14], он рассказывает о такой скучной материи, как орфография, не просто доходчиво, а весело, с выдумкой. Эта черта проявилась и в “Энциклопедическом словаре юного филолога” [15]. Панов был инициатором этого издания для школьников, его главным редактором и одним из основных авторов помещенных в этой энциклопедии статей.

Михаил Викторович был учителем — и в буквальном смысле этого слова (он несколько лет преподавал русский язык и литературу в школе), и в смысле более общем: у него были многочисленные ученики и последователи в науке о языке, он был автором нескольких учебников для студентов-филологов, в течение многих лет блистательно читал лекции в битком набитых аудиториях вузов Москвы.

О школьных учебниках, созданных под руководством М.В. Панова, надо сказать особо. В них проявилось умение М.В. Панова рассказывать о серьезных вещах весело, без прямолинейной дидактики, с юмором. Он и соавторов своих заразил этим умением: стоит заглянуть в созданные ими учебники для 5-го, 6-го, 7-го и 8–9-го классов (М., 1994–2000 гг.), чтобы убедиться в этом.

И еще он был поэт — и в прямом, и в переносном значении этого слова. В 1999 г. вышел небольшой сборник его оригинальных стихов “Тишина. Снег”, получивший положительные отзывы литературных критиков, а в 2002-м, уже после смерти автора (3 ноября 2001 г.), — сборник “Олени навстречу”. Поэтом он был и в науке, которой служил беззаветно и преданно в течение всей своей долгой и насыщенной творчеством жизни.

Основные лингвистические работы М.В. Панова собраны и опубликованы уже после его смерти — в 2004 и 2007 годах (см.: [16]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

2. Русский язык и советское общество. Кн. 1–4. Коллектив авторов / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
3. *Панов М.В.* Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М., 2014.
4. *Крысин Л.П.* Рецензия на книгу: М.В. Панов. Лингвистика и преподавание русского языка в школе // *Русский язык в школе*. 2015. № 7.
5. *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.
6. *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе // *Вопросы языкознания*. 1962. № 3.
7. *Панов М.В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // *Вопросы языкознания*. 1963. № 1.
8. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
9. Русский язык по данным массового обследования. Коллектив авторов / Под ред. Л.П. Крысина. М., 1974.
10. *Панов М.В.* О тексте для фонетической записи // *Развитие фонетики современного русского языка*. М., 1966.
11. *Labov W.* Phonological correlates of social stratification // *American Anthropologist*, vol. 66, no. 6, part 2. December 1964.
12. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX веков. М., 1990.
13. *Панов М.В.* И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964; 2-е изд. М., 2007.
14. *Панов М.В.* Занимательная орфография. М., 1984.
15. Энциклопедический словарь юного филолога. Составитель и главный редактор М.В. Панов. М., 1984; 2-е изд. М., 2006.
16. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е.А. Земской и С.М. Кузьминой. Т. 1. М., 2004; Т. 2. М., 2007.

REFERENCES

1. *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Prospekt* [The Russian Language and Soviet Society. Booklet]. Alma-Ata, 1962. (In Russ.)
2. *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Kn. 1–4. Kollektiv avtorov. Pod red. M.V. Panova* [The Russian Language and Soviet Society. Collected Authors. Panov, M.V. (Ed.)]. Moscow, 1968. (In Russ.)
3. *Panov, M.V. Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole* [Linguistics and the Russian Language Teaching at School]. Moscow, 2014. (In Russ.)
4. *Krysin, L.P. Recenziya na knigu: M.V. Panov. Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole*

- [Review on the Book: Panov, M.V. Linguistics and the Russian Language Teaching at School]. *Russkij yazyk v shkole* [The Russian Language at School]. 2015, No. 7. (In Russ.)
5. Panov, M.V. *Russkaya fonetika* [The Russian Phonetics]. Moscow, 1967. (In Russ.)
  6. Panov, M.V. *O razvitií russkogo yazyka v sovetskom obshchestve* [To the Evolution of Russian Language in the Soviet Society]. *Voprosy yazykoznaníya* [Topics in the Study of Language]. 1962, No. 3. (In Russ.)
  7. Panov, M.V. *O nekotoryh obshchih tendenciyah v razvitií russkogo literaturnogo yazyka XX veka* [On Some General Trends in the Evolution of Russian Literary Language in the 20th Century]. *Voprosy yazykoznaníya* [Topics in the Study of Language]. 1963, No. 1. (In Russ.)
  8. Krysin, L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe. Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [Russian Word, Native and Alien. Studies in the Contemporary Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, 2004. (In Russ.)
  9. *Russkij yazyk po dannym massovogo obsledovaniya. Kollektiv avtorov. Pod red. L.P. Krysin* [The Russian Language According to the Data of Mass Survey. Collected Authors. Krysin, L.P. (Ed.)]. Moscow, 1974. (In Russ.)
  10. Panov, M.V. *O tekste dlya foneticheskoy zapisi* [On the Text for a Phonetic Record]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [The Evolution of the Contemporary Russian Language Phonetics]. Moscow, 1966. (In Russ.)
  11. Labov, W. Phonological correlates of social stratification. *American Anthropologist*, vol. 66, no. 6, part 2. December 1964.
  12. Panov, M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vekov* [The History of the Russian Literary Pronunciation of the 18th–20th Centuries]. Moscow, 1990. (In Russ.)
  13. Panov, M.V. *I vsyo-taki ona horoshaya! Rasskaz o russkoj orfografii, ee dostoinstvah i nedostatkah* [And Yet it is Good! A Story About the Russian Orthography, its Virtues and Failings]. Moscow, 1964; the 2nd Ed. Moscow, 2007. (In Russ.)
  14. Panov, M.V. *Zanimatel'naya orfografiya* [Fascinating Orthography]. Moscow, 1984. (In Russ.)
  15. *Enciklopedicheskij slovar' yunogo filologa. Sostavitel' i glavnyj redaktor M.V. Panov* [Encyclopedic Dictionary of a Young Philologist. Panov, M.V. (Comp., Ed.)]. Moscow, 1984; the 2nd Ed. Moscow, 2006. (In Russ.)
  16. Panov, M.V. *Trudy po obshchemu yazykoznaníyu i russkomu yazyku. Pod red. E.A. Zemskoj i S.M. Kuzminoj* [Works on General Linguistics and the Russian Language. Zemskaya, E.A., Kuzmina, S.M. (Eds.)]. Vol. 1. Moscow, 2004; Vol. 2. Moscow, 2007. (In Russ.)

Л. П. Крысин

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
leonid-krysin@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 12 марта 2021 г.
Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Leonid P. Krysin
Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
leonid-krysin@mail.ru

Received by Editor on March 12, 2021
Date of publication April 30, 2021

Для цитирования: Крысин Л.П. Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 116–122. DOI: 10.31857/S241377150014561-0.

For citation: Krysin, L.P. *Mikhail Viktorovich Panov (K stoletíyu so dnya rozhdeniya)* [Mikhail Viktorovich Panov (On the 100th Anniversary of his Birth)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i ázyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 116–122. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014561-0.